

Шахматов как историк-лексикограф и современная лексикографическая практика

В период обучения в Московском университете Шахматов активно занимался фонетическим и морфологическим анализом древнерусских памятников. О его богатейшей и, вероятно, единственной в своем роде коллекции примеров к разным явлениям русского языка знали специалисты. Именно в этот период у юного исследователя и появилась мысль об историческом словаре. К 1885 г. он уже имел четыре большие тетради выписок из грамот и летописей. Идею словаря поддержал И. В. Ягич, который писал Шахматову: “Было бы очень желательно, чтобы Вы к тексту в самом конце его прибавили словарь по крайней мере всех замечательных слова... пора и в самом деле поставить русскую филологию на прочную историческую почву” [Переписка 1947: 52, 58]. А в начале апреля 1887 г. Ягич пишет Потебне о Шахматове: “Ему принадлежит почин в затее исторического словаря русского языка” [ibid.: 85].

Сохранившаяся переписка начинающего ученого позволяет восстановить содержание проекта и технологию его осуществления, планируемый состав участников. К сожалению пока не обнаружены написанный Шахматовым проект программы и список памятников, эти бумаги были разосланы предполагаемым редакторам зимой 1887 г. Некоторые замечания по программе имеются в письме Ягича от 7.02.1887 [ibid.: 60]. Программа упоминается в письме Ягича Потебне [ibid.: 85–86]. Программа не была опубликована, так как участники по предложению Фортунатова решили, “что только опыт может дать годную программу” [ibid.: 87]. По совету Ягича предполагалось также “установить общие правила, которыми бы регулировалось все дело” [ibid.: 119].

Концепция А. А. Шахматова в отношении исторического словаря русского языка значима по ряду обстоятельств: 1) это первый опыт предварительно сформулированной лексикографической концепции; многие идеи знаменитого, хотя и не законченного СРЯ Грота-Шахматова были впервые предложены при выработке и обсуждении программы исторического словаря; 2) Шахматов считал необходимым иметь для отбора иллюстраций большой фонд источников, не ограничиваясь традиционным кругом памятников конфессионального содер-

жания; 3) он иначе, чем его предшественники, представлял структуру и объем словарной статьи; 4) по Шахматову, словарная работа, особенно по созданию исторического словаря — это коллективный труд, руководить которым должны «люди с именем и авторитетом в науке», и он предложил схему организации такого коллектива, впервые продемонстрировав незаурядные качества научного администратора.

Технология создания исторического словаря предусматривала семь этапов или семь операций.

Первый этап включал в себя “собираание материалов для исторического словаря русского языка”, для чего необходимо “привлечь к участию в этом деле как можно более лиц”; предполагалось такое распределение памятников для расписки между участниками: Шахматов — грамоты XII–XV вв, Козловский — грамоты XVI–XVII вв, Щепкин — жития русских святых, Григорьев с Ляпуновым “взяли бы ... русские летописи и по мере сил приготовили бы к ним частный словарь” [Переписка 1947: 63].

Далее нужно было определить метод составления, критерии выбора памятников и осуществлять редакторство. Для этого нужно пригласить “людей с именем и авторитетом в науке”: И. В. Ягича, Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Потебню (отказался), А. И. Соболевского, Р. Ф. Брандта.

Следующая ступень — определение территориальных границ исторического словаря. По Шахматову, нужно “сделать его не только общерусским, но и общеславянским”; по Потебне, — “ввиду громадности задачи, б. м. практичнее было бы выделить в особый словарь юго-западный язык XIV–XVII в.” [цит. по: Лаптева 1961: 117]. Позднее в СРЯ Грота-Шахматова эта идея будет реализована в следующем виде: к основным русским словам будут приведены параллели из других славянских языков.

Этап четвертый — составление списка памятников: “на первом плане будут грамоты, законы, летописи, жития русских, поучения, написанные русскими”. Внимание к грамотам — это заслуга именно А. А. Шахматова, в 1886 г. он издает “Исследования о языке новгородских грамот XII и XIV в.”. Заметив, что в списке источников есть сочинения митрополита Киприана и Пахомия Логофета, Ягич замечал, что нет разницы между трудами их и настоящими русскими и что нужно составить ещё один список: “на втором плане сочинения общего содержания (вся церковная, догматическая и т.д. литература), насколько они существуют в русских редакциях или составлены русскими авторами, например, сочинения Кирилла Туровского, древней-

шие такого рода сочинения (напр. Остромирово евангелие, Изборник 1073) должны войти целиком, из позднейших же (напр. разных списков библейских текстов) только разночтения, появившиеся должно быть на русской почве” [Переписка 1947: 60].

Этап пятый — информационная поддержка: опубликование программы и списка руководителей (было отложено по предложению Ягича).

Этап шестой — установить последовательность работ: вначале “составлять словари к памятникам до XIV включительно, чтобы таким образом исчерпать толком хотя бы один отдел; таким образом, наш кружок сомкнется и новые элементы будут присоединяться к нему лишь по личной рекомендации и апробации редакторов”; “четыре человека, усердно и умело занимающиеся, могли бы заменить 10 случайных сотрудников” [цит. по: Лаптева 1961: 119].

Этап седьмой содержал совершенно новаторскую идею издания пробного словаря: “нужен ли он и каков должен бы быть его состав?” [ibid.: 120].

Идея создания исторического словаря была чрезвычайно актуальна и технически всесторонне продумана, хотя её инициатору исполнился всего лишь 21 год.

По разным причинам всё окончилось сбором предварительных материалов, которые хранятся в Ф. 134 СПб Архива РАН [Архив 1946: 253]. Надо иметь в виду, что первый том «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского вышел в свет только в 1893 г. уже после смерти ученого, с 1889 г. по 1911 г. «Материалы...» издавались под наблюдением как раз А. А. Шахматова.

Размышления над проектом исторического словаря для Шахматова не были напрасными: концепция словаря затем была усовершенствована во время подготовки и издания знаменитого «Словаря русского языка». В 1897 г., после смерти Я. К. Грота, Шахматову поручили возглавить работу над “Словарем русского языка”.

Шахматов был сторонником тезауруса — полного словаря, то есть в нем должны быть следующие элементы: а) лексика литературного и делового языка, б) “словарный состав, представляемый живыми говорами”, в) слова церковнославянские, которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русских переводах книг Св. Писания; г) научные и технические термины” [СРЯ 1897: VI–VII]. Кроме того, поражает своим объемом цитатный раздел словарной статьи: “Максимум цитат был его основным принципом” — заметил Л. В. Щерба [Щерба 1958: 74]. “Словарь русского языка” Грота-

Шахматова был доведен по букву *И*, его издание было прервано в связи с кончиной А. А. Шахматова.

Оценим, насколько соответствует концепции юного лексикографа А. А. Шахматова современная практика в области исторической лексикографии, например, создаваемый в Санкт-Петербургском университете «Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)» (СОРЯ).

Концепция этого словаря формировалась постепенно и окончательно определилась после достаточной апробации. Хронологическая канва событий такова: 2000 год — «Проект СОРЯ. Под ред. О. С. Мжельской», в значительной мере основанный на идеях Б. А. Ларина; 2002 год — опубликованы материалы обсуждения проекта СОРЯ; 2003 год — «СОРЯ: пробный выпуск»; 2004–2010 гг. — опубликованы первые три выпуска. В 2011 г. издан выпуск 4 (*Гагара — Гуца*), в составе которого находится «Инструкция СОРЯ» (далее — *Инструкция*). Это обстоятельная, тщательно продуманная и теоретически полноценная концепция исторического словаря. Здесь имеются ответы и на критику оппонентов, и на предложения доброжелателей.

Ориентируясь на Инструкцию и первые пять выпусков, констатируем, что СОРЯ привлекателен по целому ряду обстоятельств:

1. Словарь ориентирован на период русского средневековья, хорошо обеспеченный памятниками (вторая половина XVI в. — первая треть XVIII в.). Желание авторов СОРЯ включить свежий иллюстративный материал вполне реализуемо, если они продолжат расписывание скорописных источников.

Авторы хотят дать представление о составе разговорного словаря Московской Руси, поэтому круг источников разнообразен. Однако, усомнимся в корректности той иерархии памятников, которую выбрали составители: 1) официально-деловые документы; 2) частно-деловые памятники; 3) частная переписка; 4) переводные тексты; 5) повести XVII в.; 6) демократическая сатира; 7) фольклор; 8) пословицы; 9) записи разговорной речи, сделанные иностранцами [Инструкция: 8]. Мы бы предложили, основываясь именно на концепции СОРЯ, другой порядок значимости источников: 1) частная переписка; 2) записи разговорной речи; 3) фольклор, в том числе пословицы; 4) повести XVII в., в том числе демократическая сатира; 5) деловые документы; 6) переводные тексты. Если иметь в виду задачу отражения в СОРЯ обиходного повседневного языка, то сомнительно включение в список источников «Сказания Авраамия Палицына» или «По-

сланий Ивана Грозного». Эти тексты отличаются особой архаичностью языка, вряд ли для Авраамия Палицына и Ивана Грозного это был обиходный повседневный язык.

2. Заслуживает одобрения функционально-жанровый подход к лексическому материалу: а) показывается принадлежность слова к определенному функционально-стилистическому пласту лексики; б) учитывается эмоционально-экспрессивная коннотация [Инструкция 2011: 27]. Привлекателен набор функционально-стилистических помет: *деловое, книжно-церковное, высокое-официальное, фольклорное*. Учет и эмоционально-экспрессивные пометы: *ласковое, уважительное, пренебрежительное, уничижительное, ироническое, бранное*.

3. Достаточно подробно разработана словарная статья. Составители стремятся полно описать семантическую структуру слова: 1) выделить значения слова и их частные реализации; 2) установить соотношение значений и оттенков в пределах семантической структуры слова; 3) показать характерные употребления, в том числе типичную сочетаемость, жанровую предопределённость; 4) указать на отношение данного слова (значения) к другим словам (значениям) привести слова, близкие или совпадающие по значению, а также синонимические эмоционально-экспрессивные номинации; 5) учесть некоторые сведения энциклопедического характера; 6) дать не менее 2–3 цитат на каждое значение, оттенок, устойчивое сочетание: «Примеры должны содержать сведения о времени употребления слова и о распространении его на территории Московской Руси, о сфере использования слова, уточнять его грамматическую характеристику» [ibid.: 41]. Введена помета о количестве цитат в картотеке на каждое слово [ibid.: 16].

В результате словарная статья СОРЯ приближается к лексикологическому этюду. Это очень сближает разработку слова в СОРЯ со словарными статьями в СРЯ Грота-Шахматова.

Далее скажем о наших замечаниях к Инструкции.

1. Для Б. А. Ларина был принципиален вопрос о хронологических границах начального этапа образования национального русского языка XVI–XVII вв.; он говорил о «характерных признаках начального этапа образования национального русского языка (устного и письменного)», правда, не назвав этих «характерных признаков». Было бы разумно попытаться назвать эти признаки, обосновав тем самым и хронологические рамки Словаря. Хотя сам Б. А. Ларин, как нам представляется, проектировал хронологию Словаря по одному главному основа-

нию — период, достаточно хорошо обеспеченный «памятниками, содержащими обиходную лексику и фразеологию» [Ларин 1993: 9].

2. Сформулированные составителями критерии отбора лексики для СОРЯ не слишком строги. Что входит в содержание таких понятий, как «живая разговорная лексика», «народное, русское, обиходное», «общенародная обиходно-разговорная речь»?

Справедливо учитывая, что «в письменных памятниках XVI–XVII вв народная речь получила только опосредованное», хотя и достаточно широкое отражение, составители считают задачей СОРЯ «описание слов и выражений, характерных для собственно письменных форм языка»:

1) деловая письменность московских приказов, но только «слова и выражения, свойственные стилю и формуляру деловых документов» (но это очень малая часть лексического богатства деловой письменности и почему только язык московских приказов? — Г. С.);

2) этикетная фразеология частных писем (почему такое ограничение, ведь содержательная часть писем более богата обиходно-разговорной лексикой? — Г. С.);

3) лексика и фразеология церковно-книжного языка, входившая и в обиходную речь или освоенная ею (здесь возникает вопрос: как проверяется освоенность — неосвоенность церковнославянизмов?). В той же Инструкции есть и такая декларация: «Включению в словарь подлежат ... все церковнославянизмы, встретившиеся в источниках Словаря» [Инструкция 2011: 10];;

4) слова и выражения, характерные для фольклора (но заметим, что фольклор не был письменной формой языка — Г. С.).

Хорошо, что составители отходят от деклараций Инструкции, в действительности они учитывают и лексику основной части делового документа, и в описательной части частного письма.

3. Спорный вопрос — содержание понятия «обиходный язык». Термин был предложен Б. А. Лариным, для которого обиходный язык XVI–XVII вв. — это живая общерусская разговорная речь, представленная в памятниках, созданных на народно-разговорной основе [Ларин 1961; 1993], то есть обиходный язык определяется через некий набор памятников. Наши авторы поступают так же: «Словарь обиходного русского языка XVI–XVII вв., основанный только на памятниках делового письма, демократической литературы, фольклорных произведениях, разговорниках, будет толковым историческим словарем этой группы памятников» [Проект 2000: 11]. Фактически круг источ-

ников СОРЯ шире: в привлекаемых публикациях (это не только отдельные тексты, но и сборники различных текстов) есть деловые тексты общегосударственного значения, конфессиональные нарративные источники и т. п. Условие полного расписывания текстов, вероятно, надо понимать как квалификацию любого лексического факта в этих текстах в качестве факта обиходного языка. Но такой подход делает понятие «обиходный язык» более расплывчатым. Может быть, целесообразнее отталкиваться не от списка текстов, а предварительно определить перечень определенных ситуаций общения (домашний обиход, традиционные занятия посадского человека и сельского жителя и т. п.) и перечень тематических групп лексики.

Что касается дефиниций основных терминов, то согласимся с составителями СОРЯ, что *обиходный* — это язык, применяемый в повседневной жизни, *народно-разговорный* — язык, преимущественно употребляемый в живом разговоре, в устной речи, *общерусский* — язык, в равной мере представленный на разных территориях Московской Руси [Инструкция 2011: 6].

4. Похвально намерение авторов включать в Словарь только «наддиалектное» разговорное, но не объяснены принципы выбора «наддиалектного». Авторы СОРЯ, по-видимому, считают общерусской всю региональную деловую письменность Московского государства XVI–XVII вв, отраженную в «Псковском областном словаре», «Словаре пермских памятников», «Словаре народно-диалектной речи Сибири» и других исторических словарях регионального характера, причем «материалы из региональных исторических словарей вводятся в СОРЯ в полном объеме» [ibid.: 9].

Есть проблема определения «узко социального, специфически сословного». Как квалифицировать торговую терминологию в любимых Б. А. Лариным разговорниках: это общеразговорное или узкословное? Являются ли штампы письменной деловой речи (а они в XVI–XVII вв. многочисленны) фактами обиходного языка? Требуется оправдания использование материалов фольклорного характера (былины, исторические песни, пословицы): их временная отнесенность проблематична, а художественно-поэтическая выразительность значительно превосходит экспрессивность средств обычного разговора.

Заметим, что, если стремиться учитывать сферу использования, то хорошо бы указывать тип (жанр), разновидность памятника.

Но важно главное: СОРЯ — это исторический словарь принципиально нового типа, ориентированный на язык повседневного общения и

раскрывающий функционально-стилистический спектр слова. Для читателя исторического словаря единственным и окончательным авторитетом является цитата, причем цитата семантически содержательная, демонстрирующая семантический, грамматический и фонетический потенциал слова; в исторических словарях «исчерпывающее обилие цитат является единственным выходом из положения, нет надобности приводить однообразные цитаты; но исчерпать их разнообразие совершенно необходимо» [Щерба 1958: 285].

По обилию иллюстративного материала СОРЯ близок к заветам А. А. Шахматова и требованиям Л. В. Щербы. Такие же полномасштабные требования к цитированию реализуются в «Словаре русского языка XVIII века» и подробно аргументируются в проекте «Словаря русского языка XIX века».

В выпуске 1 есть случаи приписывания слову семантики не на основе словарных иллюстраций, а с помощью источников, которые не названы для читателя. Это касается, например, слов **аба** «грубое сукно» (*девятнацот штук обы; адиннатцать штукъ абы*), **агарикъ** «древесный гриб, употребляемый как лечебное средство» (*агарикъ купять фунтъ*). При единичных фиксациях слова встречаем произвольные толкования значения. Например, **абым**, союз. *То же, что абы.* (с. 35). Цитата следующая: Ксендзь Воевоцкий принес до мене абым въ него купилъ мунстранцыю. *Сл. Смол., 22. 1668 г.* Судя по контексту, абым — какая-то вещь, предмет, с помощью которого можно купить мунстранцыю. Рассмотрим статью из выпуска 5 СОРЯ о прилагательном *двоеморхий* — *двоеморховый* (*двоемохрой*) «негладкий, рельефный, с вытисненным узором; рытый» (с. 76–77). В СлРЯ XI–XVII вв *морхъ* — «ворс на бархате и других тканях» [9: 269]. С семей «ворс» можно согласиться, но что означает первый корень *двое*? В СОРЯ приводится 6 цитат со словом *двоеморхий* — *двоеморховый*, ни одна из них не проясняет значения этого слова. Составители СлРЯ XI–XVII вв в свое время решили, что *двоеморхий* — «имеющий двойной ворс (о бархате)» [4: 186]. Почему составители СОРЯ отказались от такого определения?

Авторы анализируемого словаря очень дорожат примерами, в которых приводится толкование слова, дается синоним, описывается внешний вид предмета или объясняется его функция, назначение. Такую практику следует только приветствовать. Например: *Агварденту, по-русски двойного вина, не возили; Академии, то есть книжные училища; Алекъ, тожъ сургуль слыветъ.*

В выпуске 5 уже находим такие разъясняющие отсылки: *говорить дворкою*» «шутить, прибегая к иносказаниям» (см. отсылку к СРНГ 7: 299); *долгари «сапоги для рыбаков с высокими голенищами»* (см. отсылку к СРНГ 8: 105). Если семантика (или часть лексического значения) не «вытекает» из цитаты, то благоразумно все дополнения к толкованию слова помещать в скобки, одновременно продумав, как обеспечить ссылку на дополнительную справочную литературу или иные источники.

Исторические словари — особый тип словаря, он не может копировать модель словаря современного языка, а возможности составителя в нем должны объясняться максимально точно.

Литература

Архив Академии наук. Т. 2. М.–Л., 1946. С. 252–259.

Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков. Вып. 4: Гагара – Гуца. СПб., 2011. С. 5–43.

Лантеева О.А. Письма А. А. Шахматову к В. Ягичу об историческом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 1961. №1. С. 115–120.

Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Б. А. Ларин. Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 22–34.

Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б. А. Лариню Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5–9.

Переписка А. А. Шахматова с акад. И. В. Ягичем (1881–1894) // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей и материалов. М.–Л., 1947. С. 13–104.

Проект обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Под ред. О. С. Мжельской. СПб, 2000.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–6. СПб., 2004–2014 (изд. продолж.).

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.–Л., 1965.

СРЯ — Словарь русского языка. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1897.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.

Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984.

Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958.